

дураки начинают и выигрывают

«Я сижу на берегу» Рубена Гальего

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Рубен Гальего — испанец, проведший детство в советских приютах для инвалидов, — прославился своей книгой «Белое на черном» («Русский Букер»-2003), рассказывающей о том, что довелось пережить ее автору в начале жизни, — о детдомовских буднях по ту сторону реальности, которые Рубен смог достойно выдержать. Его новая книга развивает ту же тему, но все же довольно сильно отличается от первой.

«Я — счастливый человек. Мне повезло. Я живу в Ново-черкасском доме для престарелых и инвалидов... Церебральный паралич помешал мне стать таким же, как все... Умение подносить ложку ко рту ценится в моем мире гораздо больше, чем способность читать. Если говорить искренне, умение читать мне совсем ни к чему».

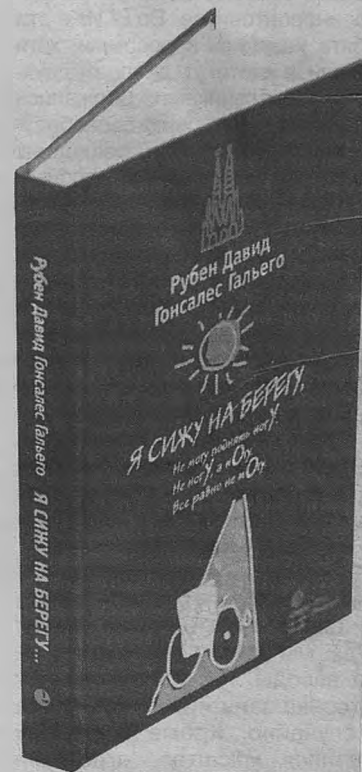
Так говорит о себе автобиографический герой Рубена Гальего. Однако парадокс и скрытый лейтмотив новой книги русскоязычного испанца заключается в том, что при всей трагической заикленности на простейших физических

действиях, которая и не снилась никаким абсурдистам и праздным любителям патологического, «умение читать» оказывается самым важным качеством главных героев. Здесь, как и в первой книге Гальего «Белое на черном», дотошно и довольно бесстрастно описывается быт инвалидов детства, живущих в собственном, почти сюрреалистическом мире, где ничета и режимный прессинг детдома помножены на мучительную (хотя и привычную) неспособность полноценно двигаться и столь же привычное ожидание близкой смерти. Однако в книге есть другой, в конечном счете более значимый

план, по отношению к которому реалии больничного Аида оказываются лишь декорациями. Через все небольшие главы-новеллы, из которых состоит текст, проходит диалог двух мальчиков, совместно сносящих эту страшную долю. Друг, собеседник и оппонент Рубена — Миша, страдающий куда более тяжелой болезнью — миопатией. Их разговоры вроде бы все время вращаются вокруг одних и тех же тем и могут показаться скучными и однообразными. На самом же деле их общение в какой-то момент начинает выглядеть как некая стратегия интеллектуального сопротивления трагической действительности. Друзья мыслят абстракциями, ведут словесную пикировку, просят друг друга не употреблять сослагательного наклонения и рассуждают о Гамлете. Несмотря на постоянно всплывающее клеймо дурака, Рубен может без запинки (и при этом с горькой иронией) воспроизвести собственный диагноз, звучащий для нянечки как китайский язык. Центральной же темой и символом волевого противостояния собственной

немощи становятся шахматы, в которых поднаторел Миша. Шахматная игра здесь — и радость, и убежище, а кроме того — своеобразная аллегория спокойного, стоического поединка со смертью. Причем — со смертью вообще, с небытием как таковым (поскольку собственную смерть Миша отдалить не может).

По поводу прозы Гальего существует две точки зрения. Одни приветствуют ее как удачный образчик новой исповедальности, другие полагают, что литературно она незначима и интересна только тем, что в ней отражены реальные факты. По второй книге хорошо видно, что Гальего — именно писатель, и эта его ипостась начинает преобладать над ролью человека с экзотическим опытом. А прочтя зачин и финал, написанные в драматургическом формате и читающиеся как фрагменты хорошей пьесы, можно сказать одно: автору давно пора писать для театра. Чернухи в означенных сценах, между прочим, никакой — гораздо больше похоже на Ионе-ско, чем на Сигарева.

Рубен Давид Гонсалес Гальего. Я сижу на берегу. — СПб.: Лимбус Пресс, 2005. — 368 с.